

ВАЛЕРИЙ
СЫСОЕВ

ОЧЕРКИ
И РАССКАЗЫ

RUGRAM

Москва

2 0 2 2

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
С95

Сысоев В. М.

С95 Очерки и рассказы / В. М. Сысоев. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2022. — 192 с. — (RUGRAM-КЛАССИКА).

ISBN 978-5-519-73127-0

В нашем новом проекте вы найдете как книги из «золотого фонда» классической русской литературы, так и редкие, почти забытые, произведения авторов, оставшихся в тени своих великих современников. Эти книги не утратили самобытной актуальности, сегодня, как и сто лет назад, они определяют пути русской культуры, ищут ответы на «проклятые вопросы».

Без этих книг невозможно понять кто мы, кем мы были, куда движемся. Мы отобрали для вас самые важные тексты русских классиков, представили их в наиболее полных редакциях, без каких либо сокращений и цензурных изъятий, и составили серию RUGRAM-КЛАССИКА.

Вашему вниманию представляется книга Валерия Мануиловича Сысоева «Очерки и рассказы».

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
ВІС FС
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-519-73127-0

© RUGRAM, оформление, 2022
© Т8 Издательские технологии, 2022

В. М. Сысоевъ.

ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ

Съ рисунками К. С. Высоцкого.

Издание А. И. Мамонтова.

МОСКВА

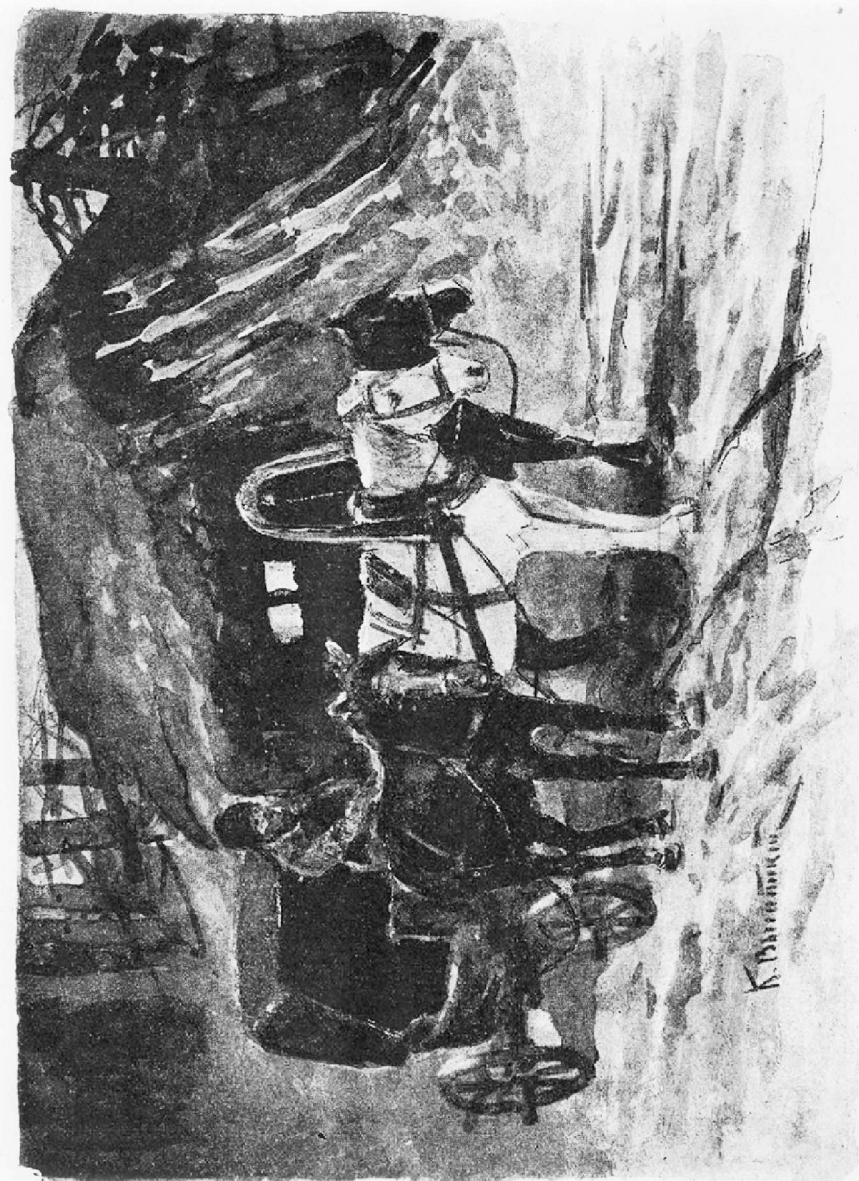
ТОВАРИШЕСТВО ТИПОГРАФИИ А. И. МАМОНТОВА

ЛЕОНТЬЕВСКИЙ ПЕР., Д. МАМОНТОВА

1897

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Бездорожье	1
Въ лѣсу	22
Нѣмой сапожникъ	27
Приключенія плотички	42
Подпасокъ	53
Клюква	68
Путешествіе	74
Пасха въ деревнѣ	111
Въ гостяхъ у дѣдушки	119
Малиновый островъ	127
Володя рыбаловъ	137
Дѣдушка Миронычъ	153

K. Barmann

БЕЗДОРОЖЬЕ

I

Я сидѣлъ въ своей домашней канцеляріи за письменнымъ столомъ, наклонившись надъ работой. Въ окна барабанилъ дождь. Даже въ комнатѣ чувствовалось вліяніе осенняго ненастья: тяжелый мракъ и сырость, несмотря на зимнія рамы, проникали въ домъ. Потрескивавшій сзади меня каминъ посылалъ струю теплаго воздуха; иногда я оборачивался и смотрѣлъ на горѣвшія дрова; мнѣ пріятенъ былъ видъ ярко пылавшихъ полѣньевъ съ искрами, шумнымъ фейерверкомъ вылетавшими по временамъ изъ за чугунной рѣшетки. Чѣмъ сильнѣе завывалъ подъ окномъ вѣтеръ, чѣмъ назойливѣе стучали въ стекла крупныя капли, тѣмъ пріятнѣе мнѣ были свѣтъ и тепло огня.

Въ дверяхъ появилась знакомая фигура моего постоянного возницы Василья. Синій халатъ его былъ мокрый, на ногахъ грязь. Держа въ одной рукѣ картузь, а другой вытирая на ходу бороду, онъ осторожно сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ.

— Ну, что скажешь, Василий?—спросилъ я.

Онъ молча поклонился и, продолжая тереть мокрую бороду, неохотно произнесъ:

— Приказывали придти... Ъхать куды изволите?

— Да, я и забылъ... Сегодня же послѣ обѣда поѣдемъ въ Замятино.

— Ужъ очень погода тово-съ... Сами изволите видѣть: погибельная.

Онъ перевелъ взглядъ съ меня на окно.

Деревья въ саду, точно руками, махали отчаянно вѣтками. Напрасно ворона старалась усесться на одной изъ макушекъ голаго тополя: сучекъ гнулся, качался, и ворона, взбѣрошенная, злая, пронзительно каркая, полетѣла куда-то за сарай. Глянцевитыя, точно облитыя масломъ, дорожки пестрѣли прилипшими къ нимъ желтыми, красными и темными листьями, цѣлыя кучи которыхъ были наметены бурей къ бесѣдкѣ и забору... Чѣмъ-то печальнымъ, суровымъ вѣяло со двора.

— Ничего не подѣлаешь,—сказалъ я, вздохнувъ,—надо ѣхать: я послалъ повѣстки—будутъ ждать.

— Какъ прикажете. Придется тройкой: на парѣ по этакой грязи не дотащишь.

— Конечно, тройку... Такъ, часа въ два подавай!

— Слушаю.

Опять осторожно ступая, стараясь идти на цыпочкахъ, Василий ушелъ отъ меня, оставя, несмотря на всѣ предосторожности, грязныя пятна на полу—слѣды своихъ огромныхъ сапогъ.

Уложивъ приготовленное дѣло въ портфель, я торопливо пообѣдалъ, и затѣмъ мы съ Васильемъ поѣхали въ село Замятино, гдѣ мнѣ, по обязанности службы, предстояло ввести во владѣніе земель крестьянъ, купившихъ пустошь у сосѣдняго помѣщика.

Верхъ тарантаса былъ поднять, кожаный фартукъ плотно застегнуть, и я былъ защищенъ отъ дождя и вѣтра. Василью я далъ накинуть на плечи свой резиновый плащъ. Продребезжавъ по избитой городской мостовой, мы выѣхали за заставу и безшумно покатали по мягкому про-

селку. Лошадямъ было тяжело—онѣ вязли, съ трудомъ вытаскивали ноги изъ липкой глины; колеса глубоко тонули въ колеяхъ, по которымъ на горкахъ струилась мутная вода.

Было то октябрьское ненастье, которое тянется безконечно изо дня въ день, выводя изъ терпѣнія не только людей, но и животныхъ. Зайцы залегли по пашнямъ возлѣ межи и въ лугахъ у кочекъ: дождь, собираясь на вѣтвяхъ въ огромныя, холодныя капли и падая внизъ, начинаетъ бомбардировать звѣрка такъ, что онъ спѣшитъ уйти изъ лѣсу. По этой же причинѣ нѣкоторыя птицы также оставляютъ лѣса, выбираясь на опушки и въ поля. Только мелкія пташки укрываются въ чашахъ окло корней и сучьевъ, съ завѣтренной стороны большихъ деревьевъ, забираются также подъ крутые берега рѣкъ и овраговъ, въ камни, дрова, подъ крыши строеній. Упорное ненастье отбиваетъ отъ рукъ всякую работу. Народъ тоже попрятался по теплымъ избамъ. Вездѣ пустота. Только вѣтеръ бушуетъ на просторѣ полей и луговъ, подгоняя дождевую пыль, туманнымъ покровомъ закутавшую горизонтъ. Дымчатые низкія облака безконечнымъ стадомъ двигаются по небу. Въ мгlistомъ воздухѣ дали не видно; предметы выясняются только на близкомъ разстояніи—и все темно, сыро, непривѣтно.

Несмотря на теплое ватное пальто, мнѣ дѣлается холодно, я вздрагиваю и прижимаюсь въ уголь тарантаса. Василиій качается на козлахъ, сохраняя равновѣсіе на неровныхъ мѣстахъ дороги; онъ чмокаетъ губами, покрикиваетъ на тройку и подхлестываетъ кнутомъ пристяжныхъ. Но лошади едва тащатъ тарантасъ шагомъ... Мнѣ скучно. Я закрываю глаза и стараюсь заснуть...

— А... что такое? Василиій! — вскрикиваю я, открывая послѣ дремоты слипнувшіеся глаза.

Я прыгаю на подушкѣ и, того гляди, вылечу изъ тарантаса; голова моя ударяется то въ стѣнки верха, то въ

спину ямщика. Какъ удержался онъ на козлахъ—я не понимаю.

— Ничего-съ, — отвѣчаетъ угрюмо Василій, — гати пошли:

Сошинскія гати, по которымъ намъ предстояло ѣхать, и въ сухое лѣтнее время представляютъ! сквернѣйшую дорогу черезъ огромную болотистую низину, а въ ту минуту передъ нами было нѣчто ужасное. Бревна и крупный хворостъ, которыми замощена дорога, мѣстами были размыты, и тутъ образовались впадины, наполненные водой. И вотъ, мы то въѣзжали на уцѣлѣвшія мостовины, то опускались въ канавы, изъ которыхъ усталыя лошади едва-едва насъ вытаскивали, барахтаясь по колѣно въ жидкой грязи. Это была мучительная, адская ѣзда. Я вскрикивалъ, бранился и проклиналъ все на свѣтѣ. Василій молчалъ, сосредоточенно правя вожжами, чтобы равнять лошадей и не опрокинуть экипажа.

Съ одной широкой лужи, близъ дороги поднялась стая утокъ, спугнутая нами и, очевидно, собравшаяся къ отлету, а, можетъ быть, уже двигавшаяся къ югу и присѣвшая на лужу отдохнуть и покормиться. Когда стихалъ вѣтеръ, до меня доносились съ дальняго конца болота гармоничное гоготанье лебедей и жалобный крикъ вѣчно-голоднаго ястреба. Эта стая утокъ, эти крики лебедей и ястреба меня разсѣяли. До сихъ поръ мы не встрѣтили по пути ни одной живой твари.

Но пришелъ желанный конецъ ужасной ѣздѣ по гатамъ. Василій снялъ картузъ и широко перекрестился.

— Слава Богу, — сказалъ онъ, — такъ и думалъ, что либо лошади ноги переломаютъ, либо тарантасъ не выдержитъ... Ну, ужъ и дорога!

Онъ приостановилъ тройку, чтобы отдохнула немного, а самъ закурилъ трубку.

Лошади отряхивались и качали головами, побрякивая бубенчиками; одна пристяжная била ногой по грязи, от-